

Г. Сюняев, Л. Полищук

Инвестиционный климат и сменяемость власти в российских регионах

В статье исследуется влияние ротации губернаторов и их аффилированности с частным сектором на качество инвестиционного климата в российских регионах. Представлена теоретическая модель, из которой следует, что два названных фактора в своей совокупности благотворно отражаются на защите прав собственности при авторитарных режимах. Этот вывод подтверждается эмпирически с использованием российских региональных данных за период 2002-2010 гг., на протяжении большей части которого прямые выборы губернаторов не проводились. Таким образом установлено, что при определённых предпосылках ротация власти полезна для экономического развития и при дефиците демократии.

Ключевые слова: институты, инвестиционный климат, эндогенные права собственности, «стационарный бандит»

JEL: K11, O17, P14

Сюняев Георгий Равильевич (gsyunyaev@hse.ru), младший научный сотрудник лаборатории прикладного анализа институтов и социального капитала (ПрИиСК) НИУ Высшая Школа Экономики

Полищук Леонид Иосифович (lpolishchuk@hse.ru), профессор, заведующий лабораторией прикладного анализа институтов и социального капитала (ПрИиСК) НИУ Высшая Школа Экономики

Авторы признательны О. Васильевой за возможность использования собранных ею данных о российских губернаторах, а также рецензентам журнала за полезные замечания и советы. Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ 2012—2013 гг.

Введение

Регионы России значительно отличаются друг от друга возможностями и условиями экономической деятельности. Инвестиционная привлекательность российских регионов зависит от их размера и статуса, географического положения, наличия природных ресурсов, доступа к инфраструктуре и ряда других факторов, в том числе от экономической политики региональных властей и состояния необходимых для ведения бизнеса институтов.

Устойчивое развитие российских регионов невозможно без защиты прав собственности и контрактов, поддержки конкуренции, современной инфраструктуры и эффективного регулирования экономики. Перечисленные задачи относятся к полномочиям государства и обычно так или иначе находятся в сфере ведения региональных властей. Таким образом, качество институционального

климата зависит от того, до какой степени стимулы региональных властных элит согласуются с потребностями частного сектора и общества, заинтересованного в развитии экономики.

Принято считать, что проблема агентских отношений между обществом и властью эффективно решается в условиях демократии, когда политики и чиновники подотчетны избирателям. Политическая конкуренция, система сдержек и противовесов, верховенство закона и другие атрибуты демократии должны предотвращать злоупотребления властью и побуждать политиков руководствоваться в своих действиях общественными интересами и нуждами.

Казалось бы, все перечисленное позволяет ожидать, что демократия улучшает институты и способствует тем самым экономическому росту. Хорошо известно, что такая гипотеза не находит однозначного эмпирического подтверждения, по крайней мере на межстрановом уровне, где не удается обнаружить статистически значимой связи между демократией и ростом (см., напр., Варго, 1996), не говоря уже о причинной направленности такой связи (Acemoglu et al., 2008). В литературе этот факт связывается с тем, что демократия открывает дорогу популизму, может воспрепятствовать финансовой стабилизации и проведению структурных реформ или иным образом отрицательно сказаться на экономической политике государства (Lizzeri, Persico, 2005).

Еще одно объяснение состоит в том, что используемые в расчетах индексы демократии несовершенны и отражают скорее наличие или отсутствие формальных атрибутов демократии, а не фактический уровень подотчетности власти обществу (Glaeser et al., 2004). В демократиях де-юре, но не де-факто элиты контролируют принятие государственных решений и используют ресурсы и полномочия государства в собственных интересах (Acemoglu, Robinson, 2008). Институты в таком случае оказываются *эндогенными* – они не определяются конституционным устройством, верховенством закона, традицией и иными фундаментальными факторами, а являются результатом выбора правящих элит.

Именно так во многом обстоит дело в российских регионах, для которых на протяжении последних двух десятилетий был характерен дефицит демократии, особенно в отношении исполнительной власти – конкурентность губернаторских выборов вызывала большие сомнения, а с 2004 г. до недавнего времени такие выборы были вовсе упразднены. Несмотря на наличие общего для всех регионов федерального законодательства, губернаторы де-факто сохраняли значительное влияние на экономику, рынки, права собственности, судебную систему и прочие основополагающие институты в своих регионах, что дает основания считать такие институты в значительной степени эндогенными.

Обычно подчинение государства интересам властных элит обрекает страну или регион на стагнацию и бедность, но известны примеры, когда политика неподотчетных обществу режимов способствует экономическому росту (Glaeser et al., 2004). Очевидно, в таких случаях имеет место совпадение прямых (не опосредованных демократической подотчетностью) интересов правящих элит с заинтересованностью общества в эффективных институтах, обеспечивающих развитие экономики.

На такую возможность, в частности, обратил внимание Мансур Олсон (Olson, 1993), полагавший, что чем дольше авторитарный режим находится у власти, тем в большей мере его политика способствует экономическому росту. Выдвинутая Олсоном гипотеза «стационарного бандита» исходит из того, что длительный горизонт планирования позволяет подобному режиму окупить инвестиции в требуемые рынком институты (включая «упущенную выгоду» хищнической экспроприации) возможностями продолжительного присвоения ренты, создаваемой экономикой с растущей налоговой базой. Эта гипотеза, впрочем, также не подтверждается данными; в частности,

не удастся обнаружить статистически значимой связи между устойчивостью режима и защитой прав собственности (Besley, Ghatak, 2010).

Наоборот, в работах последних лет появились указания на то, что *ротация* властных элит улучшает качество институтов (см., напр., Acemoglu, Golosov, Tsyvinsky, 2011; Polishchuk, Syunyaev, 2011; Besley et al., 2012), причем такого рода зависимость не предполагает демократической подотчетности власти. Объяснить эту закономерность можно восходящим к Аристотелю принципом «властвуй и будь подвластен поочередно»: авторитарный правитель учитывает риски утраты «административного ресурса» и поддерживает на приемлемом уровне общедоступные гарантии прав, свобод, доступа к рынкам и пр., которыми рассчитывает воспользоваться сам в случае отстранения от власти. Защита прав собственности, как и в теории Олсона, ограничивает возможности изъятия ренты в краткосрочной перспективе, но является в данном случае не предпосылкой умеренного присвоения ренты в течение длительного периода, а «страховкой политических рисков», которая может понадобиться в ближайшем будущем. Чем реальнее возможность отстранения от власти, тем, очевидно, больше заинтересованность в такой страховке, что и дает основания ожидать положительной зависимости между сменяемостью власти и качеством институтов.

Такая зависимость, в свою очередь, также не универсальна и требует определенных предпосылок. В самом деле, краткосрочность нахождения у власти подталкивает правителя к неограниченной экспроприации, пока это возможно, и превращает его, по выражению Олсона, в «кочующего бандита», для которого характерно хищническое поведение. Авторы настоящей статьи обратили внимание, что алчность «кочующего бандита» может умерить наличие у него в собственности производственных активов, которые, во-первых, будучи источником рыночного дохода, сокращают потребность в административной экспроприации чужой собственности, и во-вторых, создают потребность в защите от экспроприации своей собственности после утраты власти (Polishchuk, Syunyaev, 2011). Иными словами, рыночные активы правящих элит снижают относительные издержки (в виде упущенной ренты) поддержания хороших институтов и одновременно увеличивают ценность для элит таких институтов.

Таким образом, в несовершенных демократиях есть основания ожидать более благоприятного инвестиционного климата при сочетании двух условий – во-первых, сменяемости власти, и во-вторых, наличия у правящих элит в собственности рыночных активов. Авторы получили эмпирическое подтверждение данной гипотезы на межстрановом уровне (Polishchuk, Syunyaev, 2011), и обращаются в настоящей статье к ее проверке на данных российских регионов.

Россия представляет хорошие возможности для такого анализа. Во-первых, ввиду сомнений в верховенстве закона институты в регионах находятся под влиянием региональных властей и могут поэтому рассматриваться как эндогенные. Во-вторых, ввиду недостаточной подотчетности региональных властей обществу региональные институты в значительной мере формируются в интересах правящих элит. Оба указанных обстоятельства являются ключевыми для изложенной выше логики. Далее, в-третьих, качество инвестиционного климата, судя по имеющимся оценкам, претерпевает значительные изменения от одного региона к другому, и столь же заметны межрегиональные вариации предполагаемых объясняющих переменных – сменяемости губернаторов и их аффилированности с частным бизнесом. Наконец, в-четвертых, важным преимуществом межрегионального анализа по сравнению с межстрановым является большая однородность единиц наблюдения, что делает менее вероятным искажение результатов вследствие пропущенных переменных.

В следующем разделе статьи с привлечением литературы последних лет анализируется состояние инвестиционного климата в российских регионах и стимулы регионального руководства в отношении экономической политики на подведомственных территориях. Далее излагается теория, связывающая ротацию властных элит с качеством поддерживающих рынок институтов. Затем дается описание данных, используемых в эмпирическом анализе, и приводятся результаты такого анализа. В заключительной части статьи обсуждаются выводы из представленного исследования.

Институты и экономическая политика в российских регионах

Межрегиональные различия

Известно, что между регионами России существует глубокое экономическое неравенство, которое сохранялось и углублялось как на фоне спада, так и в периоды роста российской экономики (Коломак, 2010; Григорьев и др., 2011). Более успешные регионы в десятки раз опережают экономически отсталые территории по душевым показателям выпуска продукции, инвестиций и расходам бюджета на душу населения. Такой разрыв, редко наблюдаемый в границах одной и той же страны, во многом объясняется объективными причинами, в том числе наличием природных ресурсов и унаследованной от советских времен структурой экономики. Сокращению межрегиональных различий препятствуют недостаточная диверсификация экономики, неудовлетворительное состояние инфраструктуры и прочие системные проблемы. В результате экономическое лидерство сохраняют административно-финансовые центры и сырьевые экспортно-ориентированные регионы, за которыми с большим отрывом следуют прочие территории.

Тем не менее значительные различия наблюдаются и между регионами, сопоставимыми друг с другом по природно-географическим условиям, структуре экономики и иным факторам, определяющим отнесение региона к тому или иному классу однотипных территорий (Григорьев и др., 2011). Так, в группе промышленных регионов валовой продукт на душу населения изменялся в 2012 г. в диапазоне от 154 до 555 тыс. рублей (РИА Рейтинг, 2013). Такого рода вариации с большим основанием можно связывать с межрегиональными различиями в качестве институтов и экономической политики. На это в частности указывают большие колебания производственных инвестиций в расчете на душу населения, а также иностранных инвестиций, которые особенно чувствительны к качеству институциональной среды (Рис. 1). Работа иностранных инвесторов может осложняться непрозрачностью действующих процедур и правил, а также чрезмерными административными барьерами и коррупцией, причем все перечисленное обычно так или иначе контролируется региональными властями. Уровень доверия инвесторов к региональным органам власти испытывает значительные перепады от одного региона к другому, что отражается на инвестиционной активности (КПМГ, РСПП, 2013).

В широких пределах варьируется между регионами России и доля занятых в неформальном секторе экономики, где экономическая деятельность ведется без должного юридического оформления (Рис. 2), причем резкие различия подчас наблюдаются между соседними регионами с сопоставимой структурой экономики (например, 16% в Новосибирской области и 28% в Омской; см. Федеральная служба государственной статистики, 2013). Известно, что размер теневой экономики является «лакмусовой бумажкой» качества институтов (см., напр., Djankov et al., 2002),

так что разброс долей теневой экономики в российских регионах также свидетельствует о перепадах инвестиционного климата и условий ведения бизнеса.

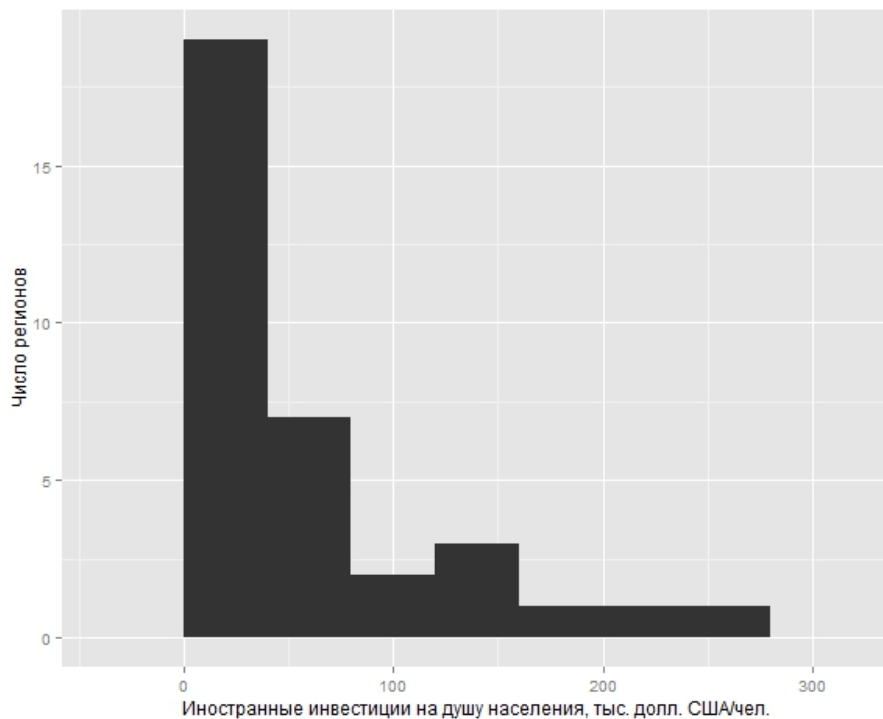

Рисунок 1. Гистограмма распределения иностранных инвестиций на душу населения в промышленных регионах Российской Федерации в 2009 году. Источники: Федеральная служба государственной статистики (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/invest/in_inv4.htm); Григорьев и др., 2011

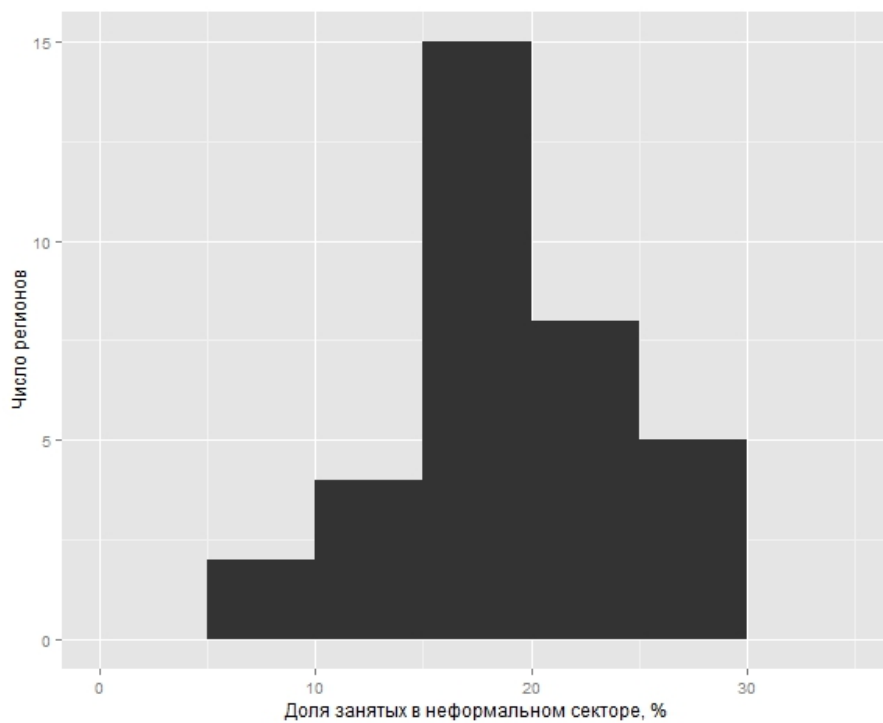

Рисунок 2. Гистограмма распределения доли занятых в неформальном секторе в общей численности занятого населения в промышленных регионах РФ в 2009 году. Источники: Федеральная служба государственной статистики (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/invest/in_inv4.htm); Григорьев и др., 2011

Измерение институтов

Агрегирование различных косвенных и/или частных индикаторов институциональной среды позволяет получить интегральные рейтинги качества институтов. Такие индикаторы на протяжении ряда лет рассчитываются для стран мира; в частности, в проекте *Governance Matters* (Kaufmann, Kraay, Mastruzzi, 2010) качество институтов ежегодно оценивается агрегатными индексами подотчетности власти, политической стабильности и недопущения насилия, эффективности государственных органов, качества экономического регулирования, верховенства закона и предотвращения коррупции. Известны и другие индексы качества институтов, разрабатываемые Мировым Экономическим Форумом, Институтом Фрейзера, Европейским Банком Реконструкции и Развития и иными организациями (см., напр., Polishchuk, 2013).

Измерение качества институтов и экономической политики в российских регионах развито в значительно меньшей степени. Наиболее известен в этой области инвестиционный рейтинг российских регионов агентства «РА Эксперт»¹, который агрегирует различные индексы инвестиционного потенциала и меры инвестиционных рисков, рассчитанные с использованием данных государственной статистики и частных консалтинговых служб. Показатель инвестиционного потенциала включает в себя институциональную составляющую, тогда как мера инвестиционных рисков отражает помимо прочего качество государственного управления в регионе, а также политические и правовые риски, отражающие надежность и эффективность юридической защиты инвестиций. «РА Эксперт» агрегирует оба названных показателя в единый индикатор инвестиционного климата («инвестиционной привлекательности») в регионах, рассчитываемый в порядковой шкале.

Не претендуя на полноту, упомянем некоторые другие индикаторы качества институтов в российских регионах. К их числу относятся, в частности, региональные кредитные рейтинги, рассчитываемые международными рейтинговыми агентствами Moody's, Fitch и Standard & Poor's при участии Центра экономического анализа «Интерфакс»². Независимым институтом социальной политики (НИСП) при участии Московского центра Карнеги разработан индекс политического климата в российских регионах, отражающий уровень демократической подотчетности власти, сдержки и противовесы, конкурентность выборов, свободу СМИ, предотвращение коррупции и защиту прав собственности³ (данный индекс не обновлялся с 2004 г.) В рамках проекта «Демократический аудит России» института «Общественная экспертиза», фонда «Индем» и центра «Меркатор» получены оценки уровня демократии, а также административного давления на бизнес в российских регионах⁴. Фондом «Индем» совместно с Transparency International рассчитаны региональные индексы коррупции.⁵ Центром экономических и финансовых разработок (ЦЭФИР) на протяжении ряда лет проводился мониторинг результатов дерегулирования российской экономики в двадцати регионах страны (Shetin et al., 2005). Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства (НИСИП) разрабатывает индексы развития малого и среднего бизнеса (Бувев, Сайдуллаев, Шестоперов, 2012) и антикоррупционной деятельности (Сайдуллаев, Смирнов, 2010) в регионах России. Наконец, федеральное Министерство регионального развития

¹ <http://www.raexpert.ru/ratings/regions/>

² <http://www.russianeconomy.ru/CreditRates/ViewAllRates.aspx?regionID=57>

³ http://atlas.socpol.ru/indexes/index_democr.shtml

⁴ <http://www.freepress.ru/publish/publish043.shtml>

⁵ <http://www.transparency.org.ru/vse-zavershennye/indeksy-korruptcii-v-rossiiskikh-regionakh>

ведет мониторинг эффективности работы органов исполнительной власти в российских регионах (Министерство регионального развития РФ, 2012).

Перечисленные индексы в значительной мере согласуются друг с другом, о чем свидетельствуют их парные корреляции (Табл. 1).⁶ Отметим, что корреляции индекса институционального климата «РА Эксперт» с прочими индикаторами имеют ожидаемые знаки и значимы на уровне 10%, что свидетельствует об удовлетворительном отражении данным индексом различных аспектов качества институциональной среды. Статистическая связь между различными индикаторами качества институтов иллюстрируется также диаграммами рассеивания, приведенными на рисунках 3 и 4.

Таблица 1. Парные корреляции индексов. Источники: Федеральная служба государственной статистики, Экспертное агентство «РА Эксперт»

	Доля занятых в неформальном секторе, 2009	Иностранные инвестиции на душу населения, 2009	Инвестиционный риск, 2009	Инвестиционный климат, 2009
Доля занятых в неформальном секторе, 2009	1.00			
Иностранные инвестиции на душу населения, 2009	-0.41*	1.00		
Инвестиционный риск, 2009	0.17	-0.17	1.00	
Инвестиционный климат, 2009	-0.41*	0.22*	-0.73*	1.00

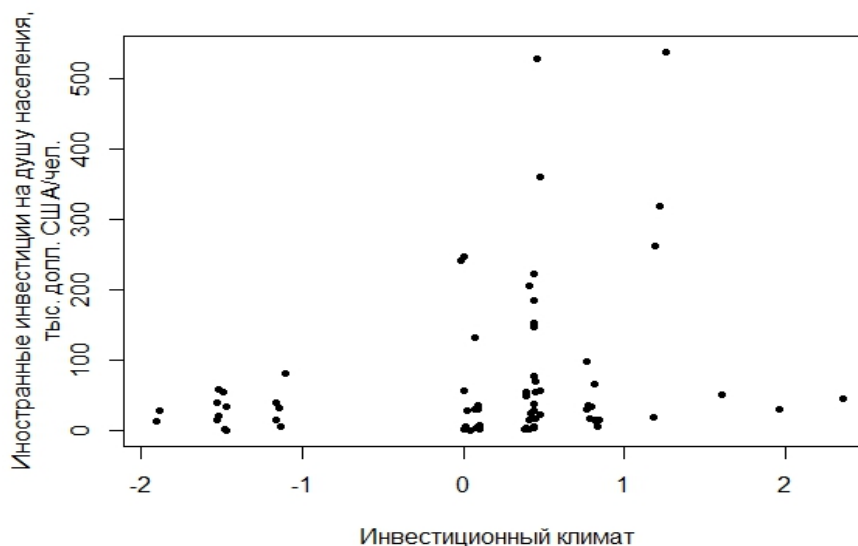

Рисунок 3. Соотношение инвестиционного климата региона и уровня иностранных инвестиций на душу населения в 2009 году. Источник: Федеральная служба государственной статистики, Экспертное агентство «РА Эксперт»

⁶ Из расчетов исключена Сахалинская область с аномально высокими значениями иностранных инвестиций на душу населения за счет нефтегазовых проектов на морском шельфе.

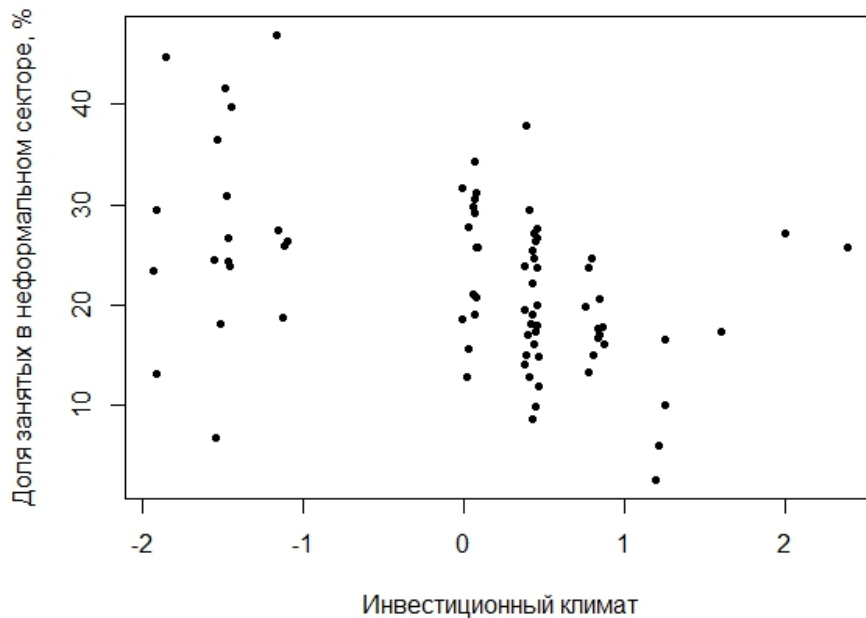

Рисунок 4. Соотношение инвестиционного климата региона и доли занятых в неформальном секторе в общей численности занятых в 2009 году. Источник: Федеральная служба государственной статистики, Экспертное агентство «РА Эксперт»

Известно, что институциональная среда России в целом получает в международных рейтингах низкие оценки (Polishchuk, 2013), однако, как свидетельствуют приведенные иллюстрации, отдельные регионы могут значительно отклоняться от среднего уровня в ту или иную сторону, отчасти компенсируя или, наоборот, усугубляя недостатки общенациональных институтов. Важно получить представление о причинах такого рода колебаний.

Эндогенность региональных институтов

Возникшие в первые годы рыночных реформ глубокие различия институциональных режимов в регионах России были связаны со слабостью центральных органов власти и их неспособностью утвердить на всей территории страны эффективные экономические, политические и правовые институты. В этих условиях субъекты федерации де-факто получили значительную автономию институционального выбора, и в стране в течение нескольких лет сосуществовали относительно либеральные регионы с прорыночными администрациями и регионы, где власти продолжали осуществлять достаточно жесткий контроль над экономикой. Значительные надежды возлагались на то, что давление общероссийского рынка со временем приведет к выравниванию институциональных различий и утверждению на всей территории страны более или менее однородных условий, благоприятствующих развитию частного сектора. В основе таких ожиданий лежала концепция «федерализма, сохраняющего рынки» (Weingast, 1995), согласно которой конкуренция между регионами за мобильные ресурсы, в первую очередь инвестиции, заставит региональные власти совершенствовать инвестиционный климат и заимствовать друг у друга прогрессивные институциональные решения.

На практике антирыночные институциональные режимы с ограниченной конкуренцией, плохо защищенными правами собственности и произвольным вмешательством региональных властей в экономику оказались значительно устойчивее, чем это ожидалось. «Федерализм, сохраняющий рынки» не оправдал возлагавшихся на него надежд в силу ряда причин, в том числе затяжного спада в экономике страны, на фоне которого рыночные инициативы в регионах не получали должной поддержки инвесторов (Polishchuk, 2001), а также ввиду недостаточной политической централизации (Blanchard, Shleifer, 2000) и неспособности федеральных органов власти противодействовать региональному экономическому сепаратизму. Положение усугублялось нехваткой в российских регионах «демократического капитала» (Persson, Tabellini, 2009), т.е. опыта и навыков использования демократических институтов. Победа на выборах обеспечивалась с помощью созданных губернаторами региональных «политических машин» (Hale, 2003) и не была сколько-нибудь заметно связана с социальным и экономическим положением регионов; несмотря на выборы, власть во многих регионах оказалась практически несменяемой (Blakkisrud, 2011). В этих условиях неподотчетные населению и неподконтрольные федеральному центру региональные власти получили возможность выбирать институты в собственных интересах либо в интересах аффилированных с властью бизнес-элит. При этом институты изъятия ренты (extractive institutions) нередко получали предпочтение перед рыночными институтами-общественными благами (Acemoglu, Robinson, 2008).

В начале 2000-х гг. политический контроль центра над регионами был значительно усилен. В ходе строительства «вертикали власти» прямые выборы губернаторов населением регионов были отменены, и губернаторы оказались подотчетны главным образом федеральным властям. В этих условиях особое значение приобрели критерии оценки деятельности губернаторов федеральным центром. Число таких официально установленных критериев вначале измерялось десятками, а затем и сотнями. Столь громоздкая и непрозрачная система оценки не смогла стать ясным руководством к действию для губернаторов, подтверждая тем самым известные выводы экономической теории о трудностях создания эффективных стимулов в системе principal-agent при множественности решаемых задач (Holmstrom, Milgrom, 1991).

На практике важным и едва ли не главным условием сохранения губернаторами своей должности стало получение кандидатами, поддерживающими власть, должного числа голосов на парламентских и президентских выборах, которые де-факто заменили собой выборы губернаторов (Reuter, Robertson, 2012). Разумеется, поддержка избирателями режима на федеральных и местных парламентских выборах отражает в числе прочего и оценку деятельности губернатора, который рассматривается как представитель «вертикали власти». Судя по имеющимся данным, такого рода стимулы сами по себе оказались недостаточными для эффективного управления экономикой и социальной сферой регионов – переназначение губернаторов на новый срок не находится в статистически значимой положительной зависимости от состояния региональной экономики (Zhuravskaya, 2010; Reuter, Robertson, 2012). Необходимые официальные результаты выборов с большим или меньшим успехом обеспечивались путем политических манипуляций, целевых трансфертов определенным группам избирателей (Akhmedov, Zhuravskaya, 2004), использованием «административного ресурса» и, в качестве крайнего средства, подтасовкой результатов (Myagkov, Ordeshook, Shakin, 2009). Во всем остальном региональные власти по-прежнему сохраняли значительную свободу рук в проведении экономической политики. Таким образом есть основания утверждать, что несмотря на политическую централизацию в России на протяжении последнего десятилетия, экономическая политика в регионах оставалась де-факто децентрализованной, а

институты – эндогенными, чем и объясняется сохраняющееся разнообразие региональных институциональных режимов.

Более того, выстраивание «вертикали власти» значительно укрепило позиции руководства регионов в отношениях с предприятиями. В 90-е гг. крупному бизнесу нередко удавалось поставить региональные и городские администрации под свой контроль, что давало основание говорить о «захвате власти» (state capture) в регионах (Yakovelev, Zhuravskaya, 2009). Со временем отношения между бизнесом и региональными властями приняли более равноправный характер (Frye, 2002; Yakovlev, 2010), а во многих случаях власти регионов получили возможность в одностороннем порядке устанавливать «правила игры» (Frye, 2006; Libman, Kozlov, Schultz, 2012). Даже если определенные правила и процедуры зафиксированы федеральными законами, их исполнение контролируется на региональном уровне и может варьироваться в широких пределах в зависимости от прозрачности для общества региональных администраций (Yakovlev, Zhuravskaya, 2013). При этом политика региональных властей, в том числе их отношение к независимости судов, принуждение бизнеса к «социально ответственному поведению» и масштабы коррупции в регионах оказывают значимое влияние на восприятие в частном секторе защищенности прав собственности и в конечном итоге на инвестиционную активность (Kapeliushnikov et al., 2013).

Губернаторы: сменяемость и связь с бизнесом

Среди факторов, влияющих на выбор региональными властями институциональных режимов, нас, как это уже указывалось, в первую очередь интересуют сменяемость власти и наличие у ее представителей коммерческих интересов в экономике региона (через прямое либо косвенное владение рыночными активами, аффилированности с определенными предприятиями и пр.). Задача состоит в том, чтобы выяснить, до какой степени названные факторы могут скомпенсировать дефицит прямой политической подотчетности губернаторов населению регионов.

Нам неизвестны работы, в которых явным образом исследуется влияние продолжительности занятия губернаторской должности на качество институтов в российских регионах, однако существующие исследования проливают некоторый свет на этот счет. Так, известно, что стимулы российских губернаторов к расширению налоговой базы путем создания общественных благ и улучшения инвестиционного климата в регионах значительно ослаблены ввиду изъятия основной массы региональных налогов в федеральный бюджет (Zhuravskaya, 2010). Возможность обложения бизнеса неформальными налогами коррупционной природы или в виде принудительного спонсорства региональных проектов не является полноценной заменой фискальных стимулов в федеральных государствах со сбалансированным распределением налоговых поступлений между центром и регионами (Полищук, 2006). Между тем рост налоговой базы в ответ на улучшение институтов является ключевым элементом теории «стационарного бандита», и подтверждение данной теории в российских регионах представляется в этой связи маловероятным.

Уже отмечалось, что по имеющимся данным переназначение губернаторов на очередной срок не связано с экономическими результатами его деятельности. В частности, экономический рост в регионе, динамика занятости и оценки экономической эффективности работы региональных властей не оказывают устойчивого влияния на шансы губернатора сохранить свою должность (Reuter, Robertson, 2012). Если изменить в этом выводе направление причинно-следственной связи на противоположное, то его можно рассматривать как косвенное свидетельство отсутствия экономического прогресса в регионах, где у власти длительное время находится одно и то же «первое лицо».

После отмены губернаторских выборов в 2004 г. ротация губернаторского корпуса значительно ускорилась (Turovskiĭ, 2010; Blakkisrud, 2011 – см. Рисунок 5). Региональные «политические машины», которые до того обеспечивали практическую несменяемость губернаторов, в новых условиях оказались бесполезными, а иногда и давали основания усомниться в лояльности центру чрезмерно независимых «крепких хозяйственников». Возросшая сменяемость власти в регионах не могла не отразиться на региональных институтах и экономической политике.

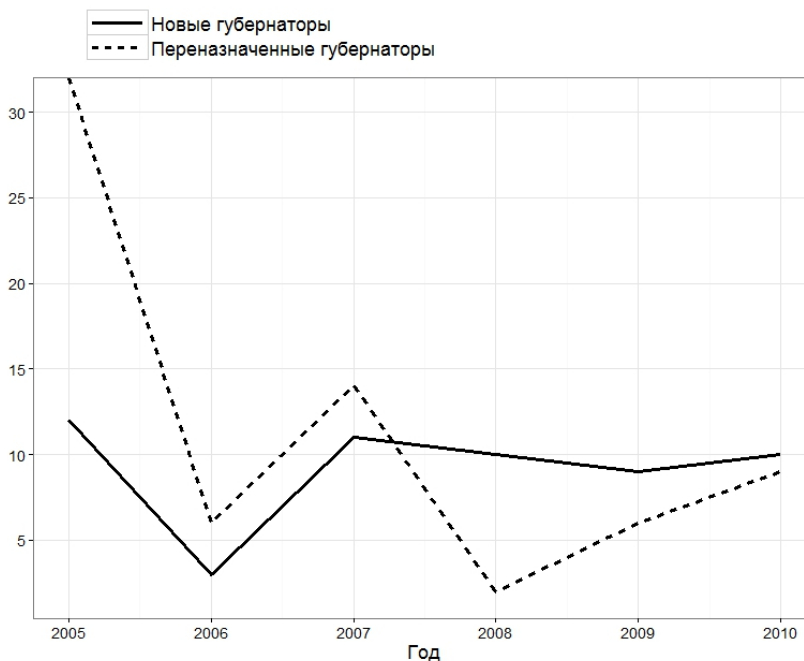

Рисунок 5. Ротация российских губернаторов в 2005-2011 гг. Источник: Blakkisrud, 2011

Известно, что смены правительства могут стать источником неопределенности и политических рисков, которые отрицательно сказываются на инвестициях и экономическом росте (Alesina et al., 1996; Fatás, Mihov, 2013). Аналогичный эффект обнаруживается и на российских региональных данных – приход к власти нового губернатора может сопровождаться значительными переменами в экономической политике региональных властей, особенно ввиду слабости системы сдержек и противовесов и непредсказуемости нового руководства, характерной для «гибридных режимов» с недостатком политической конкуренции. Такого рода неопределенность заставляет инвесторов занимать выжидательную позицию до тех пор, пока не прояснятся новые «правила игры» (Szakonyi, Nazrullaeva, 2012). Между тем чувствительность инвесторов к возможным переменам экономического курса сама по себе никак не характеризует влияние на экономическую политику губернатора реальности утраты власти или напротив уверенности в ее сохранении на длительный срок. Прямой анализ такого влияния требует особой эмпирической стратегии, которая излагается далее в статье.

Что касается возможной аффилированности глав региональных администраций с коммерческими фирмами, то такого рода вовлеченность в бизнес политиков и чиновников обычно считается нежелательной и чреватой конфликтом интересов. Тем не менее фирмы, имеющие прямые связи с высокопоставленными политиками, встречаются по всему миру, причем тем чаще,

чем более коррумпирована та или иная страна (Faccio, 2006). Присутствие в органах власти дает таким фирмам значительные преимущества по сравнению с традиционными формами лоббирования. В России проникновение бизнеса во власть на региональном уровне, включая занятие губернаторских должностей, получило широкое распространение – выходцы из частного сектора в разное время возглавляли Красноярский и Пермский края, Тверскую, Иркутскую и Амурскую области и пр. С одной стороны, бизнесмены стремились к власти для защиты своих коммерческих интересов, с другой – располагали ресурсами и влиянием, необходимыми для занятия губернаторских должностей. Еще чаще встречаются взаимное проникновение в региональную власть представителей бизнеса, а представителей власти – в коммерческие структуры (Петров, Титков, 2010), активная предпринимательская деятельность близких родственников губернаторов, и пр. Доступ бизнеса во власть облегчен в регионах с более закрытыми для общества администрациями и значительными ограничениями на свободу прессы (Gelbach, Sonin, Zhuravskaya, 2010).

Принято считать, что наличие у представителей власти коммерческих интересов искажает государственные решения в сфере экономики в виде различного рода привилегий собственному или аффилированному бизнесу, ограничения конкуренции, налоговых льгот, манипулирования ценами факторов производства (Acemoglu, 2006) и пр. Более оптимистическая точка зрения заключается в том, что если власть недостаточно подотчетна обществу, то отсутствие политических стимулов к улучшению экономических институтов может быть по крайней мере частично скомпенсировано прямой материальной заинтересованностью правящего класса в таких институтах, которые необходимы для прибыльного использования собственных рыночных активов. Возникающая таким образом прямая связь между властью и частным сектором создает предпосылки для создания более благоприятных условий для ведения бизнеса (McGuire, Olson, 1996).

Уязвимым звеном такой логики является неявное предположение о том, что авторитарная власть будет подходить с общей меркой к собственным и чужим активам – куда реалистичнее ожидать, что она будет следовать принципу «друзьям – все, врагам – закон» и что собственный бизнес будет получать преференции за счет конкурентов. Вместе с тем реальная перспектива отстранения от власти «обремененного» активами автократа меняет дело – в этом случае хорошие *общедоступные* институты, даже если они ограничивают возможность присвоения ренты во время нахождения у власти, потребуются для защиты таких активов после утраты эксклюзивного «административного ресурса». Косвенным подтверждением такого эффекта на российских данных является вывод о том, что «новые» правящие элиты – назначенцы из-за пределов региона – при прочих равных условиях создают менее благоприятные условия для ведения бизнеса, чем традиционные местные элиты, у которых более вероятно наличие в регионе прямых коммерческих интересов (Libman, Kozlov, Schultz, 2012; Shurchkov, 2012). Далее в статье мы даем прямое эмпирическое подтверждение данного эффекта.

Излагаемая далее теоретическая модель воспроизводит ожидаемое влияние ротации властных элит и их наделенности рыночными активами на защиту прав собственности, и позволяет уточнить гипотезы, проверяемые в эмпирической части исследования.

Модель

Рассматривается экономика, использующая единичный континуум производственных активов. Единица актива дает единичный доход в единицу времени. Считается, что различные группы элит сменяют друг друга у власти, причем ради простоты предполагается, что власть утрачивается безвозвратно (модификация модели, в которой возможно возвращение к власти спустя некоторое время, приводит к аналогичным результатам).

Предполагается, что находящаяся у власти группа владеет долей $W \in [0,1]$ имеющихся в экономике активов. Ввиду недостаточной защищенности прав собственности данная группа присваивает долю $1 - \alpha \in [0,1]$ дохода от всех остальных активов, так что совокупный доход этой группы за единицу времени *вплоть до утраты власти* составляет $W + (1 - \alpha)(1 - W)$. Качество защиты прав собственности измеряется долей $\alpha \in [0,1]$ своего дохода, которую сохраняют держатели активов, лишённые административного ресурса.

Правящая группа элит может потерять власть и лишиться связанных с ней привилегий, после чего она сама становится жертвой экспроприации, и ее доход падает до уровня αW . Отстранение от власти описывается пуассоновским случайным процессом, для которого вероятность сохранения власти на следующие t лет составляет $\exp(-\lambda t)$; параметр $\lambda > 0$ характеризует «темп выбывания» и рассматривается в дальнейшем как мера ротации властных элит.

Функции полезности агентов имеют вид $\int_0^\infty U(c(t)) \exp(-\rho t) dt$, где $c(t)$ – доход в момент времени t , а $\rho > 0$ – коэффициент дисконтирования. Функция $U(\cdot)$ является монотонно возрастающей, вогнутой и удовлетворяющей условиям $\lim_{c \rightarrow 0} U'(c) = \infty$, $\lim_{c \rightarrow \infty} U'(c) = 0$.

Если группа элит остается у власти в течение t лет и утрачивает ее впоследствии, то полезность этой группы составит

$$\int_0^t U(W + (1 - \alpha)(1 - W)) \exp(-\rho s) ds + \int_t^\infty U(\alpha W) \exp(-\rho s) ds =$$

$$U(W + (1 - \alpha)(1 - W)) \frac{1}{\rho} (1 - \exp(-\rho t)) + U(\alpha W) \frac{1}{\rho} \exp(-\rho t).$$

Математическое ожидание данного выражения для пуассоновского процесса с кумулятивной функцией распределения $F(t) = 1 - \exp(-\lambda t)$ выглядит следующим образом:

$$\int_0^\infty [U(W + (1 - \alpha)(1 - W)) \frac{1}{\rho} (1 - \exp(-\rho t)) + U(\alpha W) \frac{1}{\rho} \exp(-\rho t)] \lambda \exp(-\lambda t) dt =$$

$$\frac{1}{\rho} \left\{ U(W + (1 - \alpha)(1 - W)) - \frac{\lambda}{\lambda + \rho} [U(W + (1 - \alpha)(1 - W)) - U(\alpha W)] \right\}. \quad (1)$$

Элиты выбирают оптимальный уровень защиты прав собственности $\alpha = \alpha^*$, максимизируя данное выражение, т.е. решая следующую задачу:

$$\max_{\alpha \in [0,1]} [\rho U(W + (1 - \alpha)(1 - W)) + \lambda U(\alpha W)]. \quad (2)$$

Обязательство элит гарантировать права собственности на уровне α^* достоверно (в смысле совершенных на подыграх равновесий), если в случае отклонения от этого равновесия нарушитель после утраты власти будет все оставшееся время подвергаться полной экспроприации. При угрозе такого рода санкций отклонения от α^* (которые, разумеется, в этом случае предполагают полную экспроприацию дохода не находящихся у власти агентов) обеспечивают следующую ожидаемую полезность:

$$\int_0^{\infty} [U(1) \frac{1}{\rho} (1 - \exp(-\rho t)) + U(0) \frac{1}{\rho} \exp(-\rho t)] \lambda \exp(-\lambda t) dt = \frac{1}{\lambda + \rho} U(1) + \frac{\lambda}{\rho(\lambda + \rho)} U(0).$$

Данное выражение с точностью до множителя пропорциональности совпадает со значением целевой функции (2), соответствующим выбору $\alpha = 0$, которое по определению не превосходит оптимального значения целевой функции при $\alpha = \alpha^*$. Таким образом, достоверность обязательства элит поддерживать защиту прав собственности на уровне $\alpha = \alpha^*$ автоматически следует из определения α^* .⁷

Целевая функция в задаче (2) представляет собой сумму полезности правящих элит за единицу времени с весом, равным коэффициенту дисконтирования ρ , и полезность этой же группы элит после утраты власти с весом, равным скорости ротации элит λ . После утраты власти правящие элиты сами становятся жертвами экспроприации, и таким образом можно ожидать, что с увеличением λ защищенность прав собственности должна повышаться. Анализ сравнительной статистики подтверждает такой вывод. В самом деле, в случае внутреннего оптимума $0 < \alpha^* < 1$ имеет место равенство

$$\frac{U'(\alpha^*W + 1 - \alpha^*)}{U'(\alpha^*W)} = \frac{\lambda}{\rho} \frac{W}{1 - W}. \quad (3)$$

Когда α^* увеличивается от 0 до 1, левая часть уравнения (3) вследствие «неоклассических» свойств функции полезности U также монотонно возрастает от 0 до 1, и следовательно при выполнении неравенства

$$\frac{\lambda}{\rho} \frac{W}{1 - W} < 1,$$

в задаче (2) при условии $W > 0$ существует единственный внутренний оптимум $\alpha^*(\lambda, W)$, который монотонно возрастет с ростом λ . Если выполнено неравенство

⁷ Полезно обратить внимание на сходства и различия классической теории эндогенных прав собственности (Besley, Ghatak, 2010) и излагаемой здесь модели. В обоих случаях достоверность обязательств власти не превышать определенный уровень экспроприации обеспечивается угрозой санкций («триггерных стратегий») со стороны потенциальных жертв экспроприации. Разница заключается в том, что в классической теории санкции применяют агенты в частном секторе, которые отказываются от дальнейших инвестиций в дискредитировавшую себя экономику, тогда как в данном случае санкции накладываются группами элит, которые рано или поздно сменят «режим-нарушитель».

$$\frac{\lambda}{\rho} \frac{W}{1 - W} \geq 1, \quad (4)$$

то права собственности оказываются защищенными стопроцентно – частая ротация властных элит, наделенных рыночными активами, заставляет находящуюся у власти группу элит пренебречь соблазном чрезмерной экспроприации чужих доходов, дабы самой не подвергнуться такой же экспроприации в будущем. Таким образом, справедливо

Предложение 1. При условии $W > 0$ уровень защиты прав собственности α^* монотонно возрастает от нуля до единицы при увеличении темпов ротации элит в промежутке $\lambda \in [0, \rho(1 - W)/W]$, и остается равным единице при $\lambda \geq \rho(1 - W)/W$. ■

Приведенный анализ подтверждает, что ротация властных элит в самом деле способствует укреплению прав собственности. Обратимся теперь к воздействию на состояние прав собственности размера рыночных активов элит. Полезно начать с более широкого вопроса – можно ли рассчитывать, что прямая заинтересованность элит в общественных благах (в данном случае защите прав собственности) обеспечит наличие таких благ и тогда, когда правящий класс политически неподотчетен обществу и руководствуется при принятии государственных решений лишь собственными интересами? Ответ на этот вопрос в общем случае отрицателен, поскольку правящий класс ввиду своей малочисленности составляет пренебрежимо малую (в пределе – «меры ноль») долю потребителей и бенефициаров общественных благ, и предпочтет поэтому присвоение государственных средств их инвестированию в общественные блага (см., напр., Lizzeri, Persico, 2004). Однако если речь идет о защите прав собственности, то спрос на данное общественное благо (точнее было бы говорить об общественном факторе производства – см. McGuire, Olson, 1996) пропорционален не исчезающе малой доле группы элит в общей численности населения, а доле контролируемых элитами активов, которая может быть весьма значительной. В таком случае прямая потребность элит в защите прав собственности может и в самом деле компенсировать дефицит политической подотчетности – разумеется, по-прежнему при условии реальной перспективы отстранения правящих элит от власти.

Более точно, переписав условие (4) в виде

$$W \geq \frac{\rho}{\lambda + \rho}, \quad (5)$$

можно утверждать, что если доля активов элит превышает пороговое значение $\rho/(\lambda + \rho)$, то это обеспечивает полную защиту прав собственности. Полезно заметить, что такой порог может быть мал, если происходит достаточно интенсивная ротация элит (большое значение λ) и/или элиты имеют длительный горизонт планирования (малое ρ). В (McGuire, Olson, 1996) получен аналогичный вывод о том, что когда доля активов правящего режима достигает определенного порога, экономическая политика такого режима становится общественно оптимальной без предположения о том, что власть политически подотчетна обществу. Однако, как уже отмечалось, в указанной работе принимается нереалистичное предположение о том, что экономические агенты получают доступ к общественным факторам производства наравне с представителями власти, тогда как в излагаемой модели власть использует к собственной выгоде административный ресурс. При

этом необходимо дополняющее предположение о ротации властных элит – в противном случае (ситуация «стационарного бандита») наличие у режима рыночных активов, сколь бы велики они ни были, не обеспечивает защиту прав собственности остальной части общества.

Если $W < \rho/(\lambda + \rho)$, то рост активов правящих элит, как правило, улучшает защиту прав собственности. Точные утверждения на сей счет требуют некоторых дополнительных условий относительно функций полезности, которые обычно выполняются в приложениях. Одно из таких условий выглядит следующим образом.

Предложение 2. Пусть относительное отторжение агентами риска $r(z) \equiv -\frac{zU''(z)}{U'(z)}$ не превышает единицы при всех $z > 0$. В таком случае при условии $\lambda > 0$ уровень защиты прав собственности α^* монотонно возрастает от нуля до единицы при увеличении доли активов элит в промежутке $W \in [0, \rho/(\lambda + \rho)]$ и остается равным единице при $W \geq \rho/(\lambda + \rho)$.

Доказательство. Если $W = 0$, то $\alpha^* = 0$ – если у правящих элит нет в собственности рыночных активов, то они безразличны к защите прав собственности после утраты власти. При условии $W > \rho/(\lambda + \rho)$, права собственности, как уже указывалось, полностью защищены ($\alpha^* = 1$). В промежутке $(0, \rho/(\lambda + \rho))$ у задачи (2) имеется внутреннее решение, и дифференцирование условия первого порядка по W дает следующий результат:

$$\frac{\partial \alpha}{\partial W} [W^2 R(\alpha W) + W(1 - W)R(\alpha W + 1 - \alpha)] = \frac{1}{1 - W} + \alpha W [R(\alpha W + 1 - \alpha) - R(\alpha W)]. \quad (6)$$

Здесь $R(z) \equiv -\frac{U''(z)}{U'(z)}$ является мерой абсолютного отторжения риска. Для завершения доказательства достаточно заметить, что $\alpha W R(\alpha W) = r(\alpha W) \leq 1$. ■

Заметим, что два фактора, положительно влияющих на защиту прав собственности – ротация элит и наличие у них рыночных активов – дополняют друг друга в том смысле, что ни один из них в отдельности не дает такого эффекта. При отсутствии собственных активов угроза утраты власти, как уже отмечалось, не ограничивает аппетиты режима и более того может подтолкнуть его, в соответствии с логикой «кочующего бандита», к более хищническому поведению. Наоборот, наличие у «стационарного бандита» рыночных активов не создает стимулов к защите прав собственности прочих агентов – оно может лишь усугубить положение дел. Согласно (McGuire, Olson, 1996), в отсутствие рыночных активов «стационарный бандит» выбирает ставку налога (характеризующую уровень экспроприации частного сектора), соответствующую высшей точке кривой Лаффера – повышение ставки сверх этого уровня будет непродуктивным, так как приведет к падению налоговых сборов. Если же «стационарный бандит» является одновременно предпринимателем, получающим рыночный доход и конкурирующим за одни и те же ресурсы (например, трудовые) с прочими участниками рынка, то он может установить для конкурентов более высокую ставку налога, чем та, что диктуется сугубо фискальными соображениями – некоторые потери в сборе налогов в таком случае окажутся с лихвой скомпенсированы более

высокой прибылью от собственных активов за счет подавления конкурентов чрезмерным налоговым бременем (см. также Acemoglu, 2006)

Взаимная дополняемость ротации элит и размера их рыночных активов с точки зрения влияния на защиту прав собственности может быть продемонстрирована на примере функций полезности вида $U(z) = z^{1-\beta}$, $\beta \in (0,1)$ с постоянной мерой относительного отторжения риска $r(z) \equiv \beta$. Рис. 6 иллюстрирует зависимость α^* от λ и W в случае $\beta = \frac{1}{2}$. Расчеты показывают, что для всех значений β при условии $\lambda W < \rho(1 - W)$ выполняется неравенство

$$\frac{\partial^2}{\partial \lambda \partial W} \frac{1 - \alpha^*(\lambda, W)}{\alpha^*(\lambda, W)} < 0,$$

свидетельствующее о взаимной дополняемости двух исследуемых факторов.

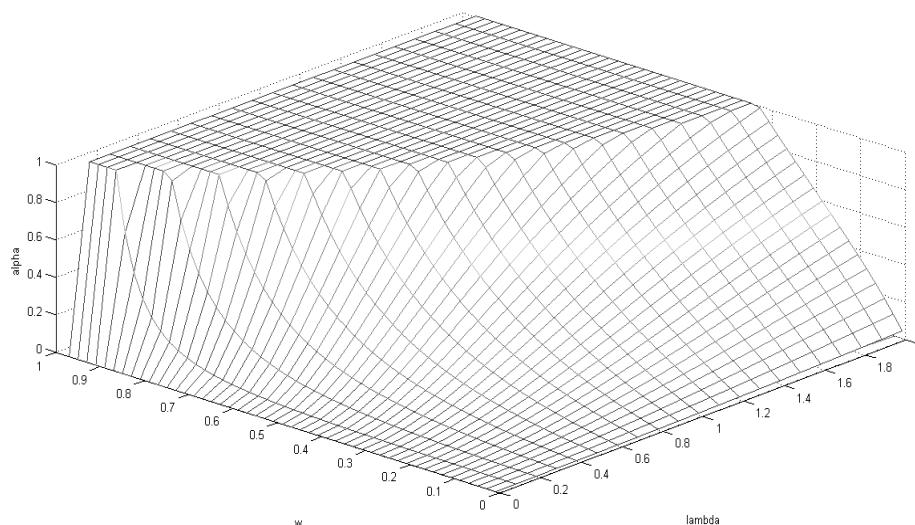

Рисунок 6. Зависимость защиты прав собственности от сменяемости политических элит и их наделенности рыночными активами

Вышеизложенный анализ позволяет сформулировать следующие гипотезы для эмпирической проверки: ротация властных элит и их наделенность рыночными активами, взятые в отдельности, могут оказывать отрицательное воздействие на защиту прав собственности, тогда как в своей совокупности данные факторы оказывают на права собственности благотворное влияние, взаимно усиливая действие друг друга. Далее в статье мы обращаемся к эмпирической проверке этих гипотез на данных российских регионов.

Описание данных

В эмпирической части исследования предсказания изложенной выше теории проверяются методами регрессионного анализа с использованием базы данных, единицами наблюдения в которой являются регионы России. Из списка субъектов федерации на 2009 год только Чеченская

республика не вошла в выборку ввиду отсутствия необходимой информации; кроме того, мы не учитываем в отдельности автономные округа, которые являются частями более крупных регионов. Таким образом всего в выборке остается 79 наблюдений. В базу данных входят показатели качества институтов в регионах, частоты смены губернаторов и их аффилированности с частным сектором, а также контрольные переменные, которые могут отразиться на качестве инвестиционного климата. Период наблюдений составляет 2002-2010 гг.

Индикаторы инвестиционного климата

Среди существующих индикаторов качества институтов в российских регионах, перечисленных ранее в статье, нами в качестве основного избран рейтинг инвестиционного климата российских регионов, рассчитываемый агентством «РА Эксперт». Для такого выбора имеется несколько оснований. Во-первых, данный индикатор агрегирует различные аспекты инвестиционного климата и качества институтов, что явствует из процедуры его построения и подтверждается корреляциями с частными показателями (Табл. 1). Комплексность инвестиционного рейтинга является его важным достоинством для целей нашего исследования. Действительно, как уже отмечалось, губернаторы де-факто располагают широкими полномочиями в выборе экономической политики и формировании институтов в подведомственных регионах. Наша теория не позволяет сделать какие-либо предположения о том, какие из этих рычагов являются для того или иного губернатора предпочитаемыми; более того, весьма вероятно, что выбор губернатором инструментов влияния на институты изменяется от одного региона к другому. Поэтому необходимо учесть различные каналы воздействия на институты, отраженные составляющими рейтинга «РА Эксперт».

Важно и то, что компоненты используемого рейтинга рассчитываются главным образом на основе объективных статистических данных, а экспертные оценки привлекаются в основном при агрегировании индивидуальных компонент. В ряде других российских региональных индексов экспертные оценки используются гораздо шире, что соответствует и международной практике. В таком случае неизбежно возникает вопрос о сопоставимости оценок для различных регионов. Проблема сопоставимости оказывается не столь острой при использовании панельных данных, однако в нашем случае неполнота имеющейся информации заставляет ограничиться данными пространственной структуры, и поэтому важно минимизировать использование субъективных оценок для отдельных регионов.

При использовании рейтинга в расчетах его значения (*inv_clim*) нормализованы, чтобы приблизить их распределение к нормальному с нулевым средним и единичным стандартным отклонением. Данные рейтинга используются за 2009 г., что соответствует нашей гипотезе о причинной связи, направленной от ротации губернаторов и их наделенности рыночными активами (обе переменные рассчитываются в целом за период наблюдений с 2003 по 2010 гг. – см. ниже) к качеству инвестиционного климата в регионах. Мы используем также значения рейтинга за 2002 г. ввиду возможной автокорреляции данного индекса.

Для проверки робастности полученных результатов в качестве альтернативных объясняемых переменных мы используем рейтинг инвестиционных рисков в регионе (*inv_risk*), также рассчитываемый агентством «РА Эксперт», и составляемый НИСИПП индекс развития малого и среднего бизнеса (*small_bus*). Заметим, что индекс НИСИПП в меньшей степени соответствует замыслу нашего исследования, поскольку у региональных лидеров с опытом работы в коммерческом секторе в собственности или управлении скорее всего находятся достаточно

крупные активы. В этой связи мы используем данный показатель также в качестве контрольной переменной, чтобы исключить фактор развития малого предпринимательства из величины показателя инвестиционного климата. Оба альтернативных индикатора, будучи изначально рейтинговыми величинами, также нормализованы, дабы приблизить их распределение к нормальному.

Сменяемость глав регионов России и наличие у них коммерческих интересов

Для проверки выдвинутых в статье гипотез необходимы два показателя: первый, отражающий ожидания глав регионов относительно вероятности потери ими занимаемой должности, и второй, характеризующий вероятность наличия у губернаторов прямых коммерческих интересов и владения либо распоряжения ими рыночными активами.

Для построения первого показателя мы пользуемся методикой, протестированной ранее в аналогичном исследовании на межстрановом уровне (Polishchuk, Syunyaev, 2011), и рассчитываем число смен лидера данного региона за период наблюдений. Напомним, что первые два года периода смена губернаторов происходила по итогам выборов; затем до конца периода выборы были заменены назначениями. Как уже отмечалось, и до, и после реформы 2004 г. региональные институты оставались в значительной степени эндогенными и формировались правящими региональными элитами, недостаточно подотчетными населению регионов. Таким образом, имеются достаточные основания для объединения двух политических режимов в рамках единого периода наблюдений.

Используемые нами данные о смене губернаторов любезно предоставлены О. Васильевой (см. также Nye, Vasilyeva, 2012). Итоговый показатель, *sum_turn*, рассчитывается для каждого региона как число смен главы региона за период 2003-2010 гг., и дает, таким образом, с точностью до коэффициента пропорциональности оценку вероятности смены губернаторов в отдельно взятом году. Мы исходим из того, что такая вероятность является ориентиром для губернатора при оценке продолжительности собственного нахождения у власти. Максимальное по выборке количество смен власти в регионе за период наблюдений составляет три, минимальное – ноль, а среднее по выборке – 0.84; таким образом, данная величина подвержена значительным вариациям, что благоприятствует задачам исследования.

Второй показатель сконструировать сложнее, т.к. не существует достоверных и исчерпывающих источников данных об активах, которые прямо или косвенно находятся в собственности или распоряжении представителей губернаторского корпуса. Установленное законом требование декларирования губернаторами своих доходов и имущества исполняется неудовлетворительно⁸ и позволяет скрывать реальное владение активами их регистрацией на родственников и доверенных лиц, использованием офшоров и пр. Наша эмпирическая стратегия исходит из того, что хорошим предиктором наличия у губернаторов рыночных активов является биография первых лиц регионов, а именно был ли губернатор до занятия своей должности профессиональным политиком или чиновником (соответствующая переменная кодируется нулем) или бизнесменом (код переменной – единица). Необходимые данные по-прежнему заимствуются из базы данных, предоставленной О. Васильевой. Региональный индекс бизнес-аффилированности губернаторов *total_bus* рассчитывается как число лет за период наблюдений, когда у власти в регионе находился выходец из бизнеса. Согласно нашим данным, данная категория губернаторов

⁸ См., напр., <http://www.transparency.org.ru/deklaracii/blog>

находится в меньшинстве – в губернаторском корпусе преобладают профессиональные политики и управленцы без предпринимательского прошлого. Вместе с тем присутствие бизнесменов-политиков было достаточно заметным для проверки наших гипотез.

Контрольные переменные

Чтобы избежать смещения оценок коэффициентов регрессии, необходимо включить в анализ наиболее существенные факторы, которые могут оказаться связанными как с качеством институтов, так и, возможно, с объясняющими переменными. Мы заимствуем набор таких переменных из (Gehlbach, Sonin, Zhuravskaya, 2010), где дается подробное обоснование использования соответствующих контролей. К их числу относятся численность населения региона, региональный доход на душу населения, доля жителей с высшим образованием, экономическое неравенство в регионе (измеряемое коэффициентом Джини), доля занятых в сырьевых отраслях, явка избирателей на федеральных выборах, а также фиктивная переменная, равная единице в случае, когда регион имеет статус республики. В частности, уровень образования населения и явка на федеральные выборы отражают уровень гражданской культуры, что может повлиять на действия губернаторов; кроме того, как уже отмечалось, результаты федеральных выборов высоко значимы для шансов губернатора сохранить свою должность. Доля занятых в сырьевых отраслях характеризует размеры сырьевой ренты, а также возможность искажающего влияния природных ресурсов на институты («ресурсное проклятие», подробнее см. Mehlum, Moene, Torvik, 2006). Известно, что состояние прав собственности может находиться в зависимости от экономического неравенства (относительно такой связи в России см., напр.. Frye, 2006; Polishchuk, 2013). Республики обладают заметно большей автономией от центра, и для них характерны заметные социально-политические отличия от прочих регионов России. Чтобы учесть возможность различий между федеральными округами страны, ошибки в регрессионных моделях кластеризуются, если это возможно, в пределах федеральных округов.

Точные определения используемых переменных, а также описание данных и их источники приведены в Табл. 2 и 3.

Таблица 2. Источники и описание данных

Переменная	Источник и описание
Инвестиционный климат (inv_clim, inv_clim_2002)	Нормализованный инвестиционный климат в регионе в 2008–2009 гг. и в 2001–2002 гг. соответственно (mean~0, std.dev.~1); Источник: http://raexpert.ru/
Инвестиционный риск (inv_risk)	Нормализованный инвестиционный риск в российских регионах в 2008–2009 гг. (mean~0, std.dev.~1); Источник: http://raexpert.ru/
Число лет пребывания бизнесмена у власти (total_bus)	Число лет, когда бизнесмен является главой региона с 2003 по 2010 гг.; Источник: база данных руководства регионов России (Nye, Vasilyeva, 2012)
Число смен власти (sum_turn)	Число смен глав региона с 2003 по 2010 гг.; Источник: база данных руководства регионов России (Nye, Vasilyeva, 2012)
Логарифм населения (l_popul)	Логарифм населения региона в 2009 году; Источник: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_14p/Main.htm
Доля населения с высшим образованием (edu_higher)	Доля населения, получившего послевузовское, высшее или неоконченное высшее образование в 2003 году; Источник: www.perepis2002.ru
Коэффициент Джини (gini)	Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) в 2009 году; Источник: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_14p/Main.htm
Логарифм среднедушевого дохода (l_income)	Логарифм среднедушевых денежных доходов в 2009 году; Источник: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_14p/Main.htm
Индикатор республики (republic)	Фиктивная переменная, значение «1», если регион имеет статус республики, «0» - в противном случае
Доля занятых в добывающей промышленности (extraction)	Доля занятых в добывающей промышленности в 2009 году в процентах; Источник: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_14p/Main.htm
Развитие малого бизнеса (small_bus)	Нормализованный рейтинг регионов по уровню развития малого предпринимательства в 2009 году (mean~0, std.dev.~1); Источник: http://nisse.ru/work/projects/monitorings/raiting/
Средняя явка (vote_aver)	Средняя явка на выборы федерального уровня с 2003 по 2008 гг.; Источник: http://www.cikrf.ru/
Индикатор федерального округа	Дискретная переменная, равная номеру федерального округа, в котором находится регион

Таблица 3. Описательные статистики

Переменная	Наблюдений	Минимум	Максимум	Среднее	Стандартное отклонение
Инвестиционный климат	79	-1.89	2.35	0.02	0.98
Инвестиционный риск	79	-1.24	2.84	-0.07	0.79
Число лет пребывания бизнесмена у власти	79	0.00	8.00	1.48	2.59
Число смен власти	79	0.00	3.00	0.84	0.65
Логарифм населения	79	11.00	16.00	14.06	0.92
Коэффициент Джини	79	0.33	0.52	0.39	0.03
Логарифм среднедушевого дохода	79	8.76	10.64	9.52	0.32
Индикатор республики	79	0.00	1.00	0.24	0.43
Доля занятых в добывающей промышленности	79	0.00	56.00	7.11	11.89
Доля населения с высшим образованием	79	0.11	0.36	0.17	0.04
Развитие малого бизнеса	79	-2.43	2.77	-.07	0.96
Средняя явка	66	0.41	0.85	0.58	0.07

Результаты эмпирического анализа

Корреляции инвестиционного рейтинга регионов с охарактеризованными выше мерами ротации губернаторов и вероятности наличия у них рыночных активов хотя и положительны (соответственно 0.12 и 0.11), но статистически незначимы. Это соответствует нашей гипотезе о том, что названные факторы по отдельности не оказывают существенного положительного воздействия на качество институтов и благотворно влияют на инвестиционный климат лишь в своей совокупности. Непосредственная проверка данных гипотез требует регрессионного анализа.

Регрессионные модели

Оценивание всех спецификаций модели проводится методом наименьших квадратов (OLS). При этом принимаются определенные предположения о структуре ошибок. Как правило, ошибки кластеризируются по федеральным округам, однако, там, где число степеней свободы не позволяет этого сделать, используются робастные оценки вариации ошибок. Те или иные предположения о структуре ошибок не оказывают сколько-нибудь заметного влияния на результаты оценивания.

Базовая спецификация регрессионного уравнения имеет следующий вид:

$$P_i = \alpha_i + \beta t_i + \gamma b_i + \delta X_i + \varepsilon_i, \quad (7)$$

где P_i – индикатор качества институтов в регионе (инвестиционный рейтинг или его альтернативы), t_i – индекс `sum_turn` для i -го региона, b_i – индекс `total_bus` для i -го региона, а X_i – вектор контрольных переменных. Согласно нашей теории, коэффициенты β и γ не должны быть положительными и статистически значимыми.

Для подтверждения взаимной дополняемости двух рассматриваемых факторов качества институтов оценивается модифицированная модель с перекрестным показателем сменяемости власти и присутствия бизнесмена во главе региона. Данная спецификация имеет следующий вид:

$$P_i = \alpha_i + \beta t_i + \vartheta(t_i * b_i) + \gamma b_i + \delta X_i + \varepsilon_i. \quad (8)$$

Согласно нашей теории, мы предполагаем, что $\vartheta > 0$, причем следует ожидать, что данный коэффициент окажется значимым.

Наконец, ввиду возможной автокорреляции показателей инвестиционного климата в различные моменты времени мы оцениваем модифицированную версию модели с лагированной переменной (*inv_clim_2002*), относящейся к началу периода:

$$P_{i,2009} = \alpha_i + \beta t_i + \vartheta(t_i * b_i) + \gamma b_i + \mu P_{i,2002} + \delta X_i + \varepsilon_i. \quad (9)$$

Смысл такой модели в том, чтобы учесть инерцию региональных институтов и объяснить ротацией губернаторов и их связями с частным сектором за период наблюдений *изменения* в качестве инвестиционного климата за тот же период.⁹

Результаты оценивания

В таблице 4 приведены результаты оценки базового регрессионного уравнения (7) при различных мерах качества институтов и наборах контрольных переменных. В первых четырех столбцах таблицы в качестве объясняемой переменной выступает инвестиционный рейтинг региона, тогда как в пятом и шестом столбцах в этом качестве используются соответственно показатель инвестиционного риска и индекс развития малого и среднего бизнеса. В большинстве спецификаций показатели ротации губернаторов и наличия у них бизнес-активов оказываются незначимыми; единственным исключением является регрессия индекса инвестиционного риска, где коэффициент наличия бизнес-активов значим и *положителен* – наличие губернатора-бизнесмена само по себе отрицательно сказывается на качестве институтов. Такого рода «отрицательные» результаты вполне согласуются с нашими гипотезами.

Среди контрольных переменных в базовой спецификации привлекает внимание систематически высокая значимость для инвестиционного рейтинга численности населения региона. Данный эффект является в значительной мере артефактом, отражающим методику расчета инвестиционного рейтинга, где важную роль играют индикаторы, отражающие размер региональной экономики и налоговой базы, а также совокупную покупательную способность населения региона. Инвесторы при прочих равных условиях предпочитают крупные города и регионы с большими рынками, которые как правило являются административными или финансовыми центрами и имеют более развитую инфраструктуру – для таких регионов размер может до определенной степени компенсировать низкое качество институтов. Для дальнейшего

⁹ Возможны иные спецификации регрессионных моделей, отражающие влияние на инвестиционный климат *ожиданий* губернаторов относительно сроков пребывания у власти. В частности, уверенные в прочности своего положения губернаторы обычно обращались к президенту с просьбой подтвердить доверие на следующий срок пребывания у власти задолго до истечения текущего срока. Отсутствие подобного обращения можно рассматривать как признак сомнений губернатора в сохранении власти после истечения текущего срока полномочий. Авторы намерены использовать данную стратегию идентификации в дальнейших исследованиях.

важно, что контроль на численность населения позволяет в значительной мере элиминировать влияние на индекс указанных факторов и сохранить в «очищенном» виде собственно институциональные компоненты. В то же время численность населения остается значимой и при других используемых мерах качества институтов, что по-видимому указывает на наличие «экономии масштаба» в связи инвестиционного климата с размерами региона.

Таблица 4. Оценивание базовой модели¹⁰

Переменные	(1) inv_clim	(2) inv_clim	(3) inv_clim	(4) inv_risk	(5) small_bus
total_bus	-0.0210 [0.03]	-0.0246 [0.03]	-0.0246 [0.05]	0.0465** [0.02]	-0.0124 [0.06]
sum_turn	-0.143 [0.18]	-0.155 [0.19]	-0.0751 [0.19]	0.0419 [0.10]	-0.0952 [0.19]
l_popul	0.642*** [0.13]	0.672*** [0.15]	0.646*** [0.12]	-0.414*** [0.11]	0.230** [0.11]
l_income	0.552 [0.34]	0.682 [0.39]	0.217 [0.42]	0.563* [0.32]	-0.208 [0.46]
higher_edu		-3.000 [3.58]	-0.0418 [2.64]		
republic			0.333** [0.16]	-0.183* [0.10]	-0.248 [0.20]
extraction			-0.00501 [0.01]	0.00455 [0.01]	-0.0103 [0.01]
vote_aver			0.446 [1.236]	0.256 [0.93]	-1.572 [1.40]
small_bus			0.0781 [0.10]		
Observations	79	79	66	66	66
Adjusted R-squared	0.418	0.420	0.330	0.359	0.045
vce	cluster	cluster	robust	robust	robust

Обратимся теперь к модифицированной спецификации модели (8) – результаты ее оценивания с различными объясняемыми и контрольными переменными приведены в таблице 5. Первые пять столбцов таблицы соответствуют использованию в качестве объясняемой переменной инвестиционного рейтинга регионов при переменном наборе контролей. Во всех этих спецификациях оказываются высоко значимыми оценки коэффициентов как ротации губернаторов и наличия у них бизнес-активов по отдельности, так и произведения данных переменных, причем знаки и значения коэффициентов робастны к изменениям набора контролей.

Знаки регрессионных коэффициентов при объясняющих переменных подтверждают выдвинутые ранее гипотезы. Отрицательные знаки при линейных членах свидетельствуют о том, что ни ротация губернаторов при отсутствии у них бизнес-активов, ни наличие у них таких активов в отсутствие ротации не улучшают инвестиционного климата – наоборот, они ухудшают качество институтов, как это и следует ожидать в случае «кочующего бандита» или его полной

¹⁰ Здесь и далее *** p<0.01, ** p<0.05, * p<0.1

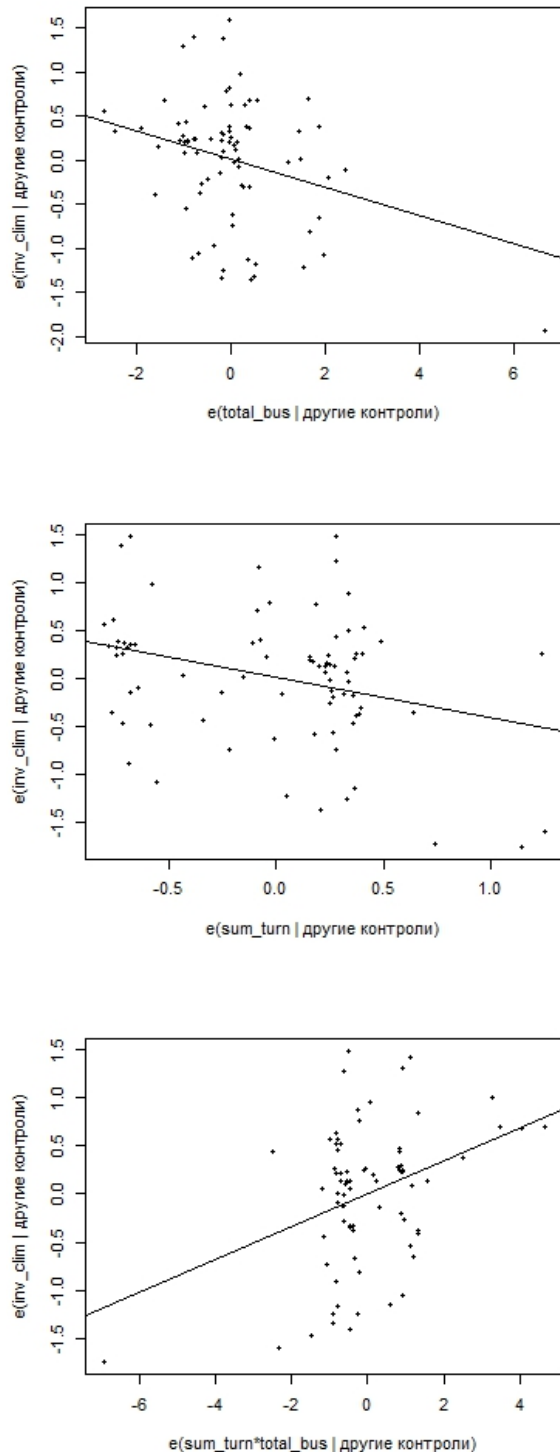

Рисунок 7. Графики частичных регрессий для основных объясняющих переменных (линии тренда без учета основных статистических выбросов)

противоположности – «стационарного бандита»-предпринимателя. Совместное же действие названных факторов – опять-таки в соответствии с изложенной выше теорией – оказывает положительное воздействие на качество институтов и подтверждает взаимную дополняемость ротации губернаторов и их присутствия в частном секторе. Если учесть вариацию основных объясняющих переменных $total_bus$ и sum_turn в диапазоне соответственно от 0 до 8 и от 0 до 3, то эффект рассматриваемого механизма соизмерим с разбросом значений объясняемой переменной. Это говорит о том, что данный механизм оказывается высоко значимым не только статистически, но и экономически.

Следует также отметить, что контрольная переменная численности населения остается высоко значимой, так что и в этом случае оценки объясняющих переменных «очищены» от эффекта масштаба. Как уже отмечалось, значительная часть вариации индекса инвестиционной привлекательности отражает большие различия в размерах субъектов Российской Федерации, но даже с учетом данного обстоятельства объясняющие переменные остаются статистически высоко значимыми.

Чтобы получить наглядное представление о вкладе этих факторов, мы приводим на рис. 7 графики частичных регрессий (*added variable plots*) объясняемой переменной – индикатора инвестиционного климата на каждую из объясняющих переменных $total_bus$ и sum_turn , а также на их произведение, когда все перечисленные переменные предварительно «очищены» от влияния контролей, учтенных в 4-м столбце Таблицы 5 (соответствует наилучшей объясняющей силе регрессии).

Таблица 5. Оценка модифицированной спецификации регрессии

Переменная	(1) inv_clim	(2) inv_clim	(3) inv_clim	(4) inv_clim	(5) inv_clim	(6) inv_clim	(7) inv_risk	(8) small_bus
total_bus	-0.194*** [0.04]	-0.207*** [0.05]	-0.218*** [0.05]	-0.215*** [0.05]	-0.208*** [0.05]	-0.176*** [0.05]	0.0925** [0.04]	-0.001 [0.07]
sum_turn	-0.469** [0.16]	-0.452** [0.19]	-0.464** [0.19]	-0.435** [0.19]	-0.391* [0.20]	-0.437** [0.18]	0.186 [0.13]	-0.153 [0.23]
sum_turn*total_bus	0.183*** [0.04]	0.182*** [0.04]	0.192*** [0.04]	0.189*** [0.04]	0.176*** [0.04]	0.161*** [0.04]	-0.0679** [0.03]	-0.009 [0.06]
l_popul	0.693*** [0.12]	0.687*** [0.11]	0.686*** [0.11]	0.634*** [0.11]	0.682*** [0.114]	0.557*** [0.10]	-0.416*** [0.11]	0.369*** [0.10]
l_income		0.645 [0.43]	0.986* [0.54]	0.910*** [0.31]	0.0737 [0.32]	0.927*** [0.10]	0.186 [0.30]	-0.0603 [0.37]
higher_edu		-3.004 [2.42]	-4.519* [2.68]	-4.016* [2.24]		-6.266** [2.39]		
gini		0.508 [4.58]	0.196 [5.08]					
extraction			-0.0119 [0.01]	-0.00919 [0.01]		-0.008 [0.01]		
republic			0.0602 [0.24]					
small_bus				0.132 [0.10]	0.116 [0.11]	0.140 [0.10]	-0.228** [0.11]	
vote_aver					0.708 [1.06]			
inv_clim_2002						0.254** [0.10]		
Observations	79	79	79	79	66	78	79	79
Adjusted R-squared	0.470	0.491	0.490	0.512	0.452	0.566	0.377	0.083
vce	cluster	robust	robust	robust	robust	robust	robust	robust

Чтобы проиллюстрировать предсказательную силу нашей теории, рассмотрим регионы, для которых оба показателя – ротация губернаторов и вероятность наличия у них рыночных активов достаточно велики для того, чтобы «предельный» вклад каждого из индикаторов с учетом их взаимной дополняемости был положительным. Воспользуемся для этого спецификацией из столбца 4 Таблицы 5 ($Adj. R^2 = 0.512$, $\hat{\beta} = -0.435$, $\hat{\gamma} = -0.215$, $\hat{\vartheta} = 0.189$). Мы можем заключить, что предельный вклад губернатора-бизнесмена является положительным, когда показатель ротации sum_turn выше 1.138 из 3 [$sum_turn * \hat{\vartheta} > -\hat{\beta}$]. С другой стороны, предельный эффект сменяемости власти является положительным, когда губернатор-бизнесмен был у власти ($total_bus$) более 2.3 лет из 8 или [$total_bus * \hat{\vartheta} > -\hat{\gamma}$]. Регионами, для которых положительны оба предельных эффекта, оказались Псковская, Архангельская, Калининградская, Амурская и Иркутские области. Для всех этих регионов, в соответствии с нашей теорией показатель инвестиционного климата как минимум на 1 стандартное отклонение выше среднего по всей выборке. Эти регионы как правило занимают также высокие позиции в рейтингах защиты бизнеса от административного давления и отношений власти с прессой и гражданским обществом из проекта «Демократический аудит России».

Оценка модели (8) для альтернативного показателя качества институтов – инвестиционного риска (столбец 7) дает аналогичные результаты, хотя на сей раз они выражены менее отчетливо. Любопытно, что в этой спецификации оказывается значимым индекс развития малого и среднего предпринимательства, используемый в качестве контроля, что свидетельствует о высокой чувствительности малого бизнеса к инвестиционным рискам в региональной экономике. Наконец, если данный индекс сам используется в качестве объясняемой переменной (столбец 8), то ротация губернаторов и их присутствие в бизнесе становятся незначимыми, что также соответствует нашим ожиданиям ввиду различия «весовых категорий».

Результаты оценивания спецификации (9) с лагированием инвестиционного климата представлены в столбце 6 таблицы 5. Коэффициенты при объясняющих переменных сохраняют в этой спецификации ожидаемые знаки и высокую статистическую значимость, и лишь незначительно меняются по величине по сравнению с моделью (8). Значимый положительный коэффициент при лагированной переменной указывает на то, что региональный инвестиционный климат и в самом деле обладает определенной инерцией, но при этом подвержен изменениям, направление которых согласуется с нашей теорией.

Направление причинной связи

Известно, что интерпретация результатов регрессионного анализа в экономике требует аккуратности ввиду проблемы эндогенности, в том числе возможной разнонаправленности причинно-следственных связей. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют воспользоваться панельной регрессией и применить иные уместные в таких случаях методы и тесты. Тем не менее у нас имеются основания утверждать, что выявленные зависимости направлены от ротации губернаторов и наличия у них бизнес-активов к инвестиционному климату, а не наоборот.

Во-первых, данные о ротации губернаторов и их бизнес-аффилированности рассчитаны за период 2002-2010 гг., тогда как используемые в расчетах оценки инвестиционного климата относятся к 2009 г. Разумеется, ex post facto не означает ipso facto, однако подобная упорядоченность во времени может быть использована как аргумент, косвенно подтверждающий определенное направление причинной связи (на это также указывает относительно невысокий вклад лага инвестиционного климата в спецификации (9), представленной в столбце 6 Таблицы 5). Во-вторых, попытка обнаружить признаки противоположно направленной причинной связи, построив обратную регрессию ротации губернаторов за период наблюдений на качество инвестиционного климата *в начале* периода, оказывается безуспешной – в оценке такой регрессионной модели (подробности мы опускаем) качество инвестиционного климата в 2002 г. оказывается незначимым.

Наконец, в-третьих, можно предположить, что ротация губернаторов является производной от состояния институтов в регионе, которые влияют на развитие экономики. Экономическое развитие, в свою очередь, может отразиться на результатах выборов в регионе, от которых на протяжении большей части периода наблюдений зависело сохранение губернаторами своего поста. На это, однако, можно возразить, что корреляция между переназначением губернаторов и экономическим положением их регионов отсутствовала, и кроме того, если бы гипотетическая связь тем не менее имела место, то ее результатом стала бы значимая отрицательная зависимость между ротацией губернаторов и инвестиционной привлекательностью регионов, которая не обнаруживается в наших данных – как только что было показано, при наличии у губернаторов рыночных активов такая зависимость устойчиво и значимо положительна.

Заключительные замечания

Хорошо известно, что институты могут взаимно дополнять друг друга (Aoki, 2001), в том смысле что отдача на тот или иной институт зависит от наличия и состояния прочих институтов. Такая взаимная обусловленность может поставить под сомнение универсальность теорий и представлений, которые сложились при неявном предположении о том, что «окружающая институциональная среда» является совершенной или близка к таковой. Так, считавшаяся аксиомой теория Э. Де Сото о том, что наличие формальных прав собственности на землю и иные производственные активы улучшает условия ведения бизнеса (Де Сото, 2004), неверна при недостатке конкуренции на финансовых рынках (Besley et al., 2012).

Наш анализ дает еще один пример такого рода – вопреки распространенному мнению о том, что наличие у высокопоставленных политиков и чиновников рыночных активов чревато конфликтом интересов и поэтому нежелательно, аффилированность с частным сектором может способствовать улучшению институтов в ситуациях, когда традиционные механизмы политической подотчетности власти по тем или иным причинам бездействуют. Губернаторы, занимавшиеся ранее бизнесом, с большей вероятностью сохраняют заинтересованность в рыночных активах, что создает стимулы для поддержания в регионе благоприятного инвестиционного климата – при обязательном условии сменяемости региональных властей. Последняя таким образом сохраняет свое значение и при дефиците демократии, что подтверждается как на межстрановом уровне (Polishchuk, Syunyaev, 2011), так и для российских регионов.

Вместе с тем не следует переоценивать возможности исследованного нами механизма, который является весьма несовершенной и ненадежной альтернативой полноценной демократической подотчетности, когда забота об избирателях побуждает руководство стран и регионов создавать благоприятные условия для развития экономики. Восстановление прямых губернаторских выборов в России является с этой точки зрения шагом в правильном направлении, но эффективность такой реформы будет зависеть от уровня политической конкуренции и гражданской культуры в регионах, а также от способности федеральных властей обеспечить необходимые условия «федерализма, сохраняющего рынки», включая соблюдение региональной автономии и эффективное экономическое регулирование на общенациональном уровне.

Библиография

- Був В., Сайдуллаев Ф., Шестоперов А.* (2012). Индекс развития малого и среднего предпринимательства в регионах России в 2010 году // НИСИПП. Информационно-аналитический доклад. [Buev V., Saidullaev F., Shestoperov A. (2012). Index of Development of Small and Middle Size Entrepreneurship in Russian Regions in 2010 // NISSE. Research and Information Report.]
- Григорьев Л., Зубаревич Н., Хасаев Г.* (ред.) (2011). Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации. М.: ТЕИС. [Grigoriev L., Zubarevich N., Khasaev G. (eds.) (2011). Russian Regions: Economic Crisis and Problems of Modernization. Moscow: TEIS.]
- Де Сото, Э.* (2004). Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире // М.: Олимп-Бизнес. [De Soto, H. (2004). The Mystery of

- Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else // Moscow: Olimp-Business.]
- Коломак Е. (2010). Межрегиональное неравенство в России: экономический и социальный аспекты // *Пространственная экономика*. № 1. С. 26-35. [Kolomak E. (2010). Cross-Regional Inequality in Russia: Economic and Social Aspects // *Spatial Economics*. No 1. P. 26-35.]
- КПМГ, РСПП (2013). Точка зрения инвесторов. Оценка инвестиционного климата российских регионов глазами иностранных инвесторов // М. [KPMG, RSPP (2013). Investors' Point of View. Evaluation of Investment Climate of Russian Regions by Foreign Investors // Moscow.]
- Министерство регионального развития РФ (2012). Доклад об эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации // М. [Ministry of Regional Development of Russian Federation (2012). Report on Effectiveness Performance of Russian Regional Executive Government Agencies // Moscow.]
- Петров Н., Титков А. (ред.) (2010). Власть, бизнес, общество в регионах: неправильный треугольник. М: Росспэн. [Petrov N., Titkov A. (eds.) (2010). Governance, Business, Society in Regions: Irregular Triangle. Moscow: Rospenn.]
- Полищук Л. (2006). Бизнесмены и филантропы // *Pro et Contra*. № 1. С. 59-73. [Polishchuk L. (2006). Businessmen and Philanthropists // *Pro et Contra*. No 1. P. 59-73.]
- РИА Рейтинг (2013). Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2012 года // Группа РИА Новости. Отчет. [RIA Rating (2013). Rating of Socioeconomic Conditions in Russian Regions. 2012 Results. // RIA Novosti Group. Report.]
- Сайдудлаев Ф., Смирнов Н. (2010). Мониторинг антикоррупционной деятельности в регионах России // НИСИПП. Информационно-аналитический доклад. [Saidullaev F., Smirnov N. (2010). Monitoring of Anticorruption Activities in Russian Regions // NISSE. Research and Information Report.]
- Федеральная служба государственной статистики (2013). Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований). М.: Росстат. [Federal Office of National Statistic (2013). Economic Activity of Russian Population (selected investigation results). Moscow: Rosstat.]
- Acemoglu D. (2006). A Simple Model of Inefficient Institutions // *Scandinavian Journal of Economics*. Vol. 108, No 4. P. 515-546.
- Acemoglu D., J. Robinson (2008). Persistence of Power, Elites, and Institutions // *American Economic Review*. Vol. 98, No 1. P. 267-93.
- Acemoglu, D., S. Johnson, J. Robinson, P. Yared. (2008). Income and Democracy // *American Economic Review*,. Vol. 98, No. 3, P. 808-842.
- Acemoglu D., M. Golosov, A. Tsyvinski (2011). Power Fluctuations and Political Economy // *Journal of Economic Theory*. Vol. 146, No. 3, P. 1009-1041.
- Akhmedov A., E. Zhuravskaya (2004). Opportunistic Political Cycles: Test in a Young Democracy Setting // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 119, No 4. P. 1301-1338.
- Alesina A., S. Ozler, N. Roubini, Ph. Swagel (1996). Political Instability and Economic Growth // *Journal of Economic Growth*. Vol. 1, No 2. P. 189-211.
- Aoki M. (2001). *Toward a Comparative Institutional Analysis* // Cambridge: MIT Press.
- Barro, R. (1996). Democracy and Growth // *Journal of Economic Growth*. Vol. 1. No. 1, P. 1-27.
- Besley T., K. Burchardi, M. Ghatak (2012). Incentives and the De Soto Effect // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 127, No 1. P. 237-282
- Besley T., M. Ghatak (2010). Property Rights and Economic Development // In: Rodrik D., M. Rosenzweig (eds.) *Handbook of Development Economics*. Vol. 5. N.Y.: North-Holland.
- Blakkisrud, H. (2011). Medvedev's New Governors // *Europe-Asia Studies*. Vol. 63, No. 3. P. 367-395.
- Blanchard, O., A. Shleifer (2000). Federalism with and without Political Centralization: China versus Russia // *IMF Staff Papers*. Vol. 48, No 4. P. 171-179.
- Faccio, M. (2006). Politically Connected Firms // *American Economic Review*. Vol. 96, No 1. P. 369-386.

- Fatás A., I. Mihov* (2013). Policy Volatility, Institutions, and Economic Growth // *Review of Economics and Statistics*. Vol. 95, No 2. P. 362-376.
- Frye T.* (2002) Capture or Exchange? Business Lobbying in Russia // *Europe-Asia Studies*. Vol. 54, No 7. P. 1017-1036.
- Frye T.* (2006) Original Sin, Good Works, and Property Rights in Russia // *World Politics*. Vol. 58, No 4. P. 479-504.
- Gehlbach S., K. Sonin, E. Zhuravskaya* (2010). Businessman Candidates // *American Journal of Political Science*. Vol. 54, No 3. P. 718-736.
- Glaeser, E., R. La Porta, F. Lopez-de-Silanes, A. Shleifer* (2004). Do Institutions Cause Growth? // *Journal of Economic Growth*. Vol. 9, No 3. P. 271-303.
- Hale H.* (2003). Explaining Machine Politics in Russia's Regions: Economy, Ethnicity, and Legacy // *Post-Soviet Affairs* Vol. 19, No 3. P. 228-263.
- Holmstrom B., P. Milgrom* (1991). Multitask Principal-Agent Analyses: Incentive Contracts, Asset Ownership, and Job Design // *Journal of Law, Economics, & Organization*. Vol. 7, No 1. P. 24-52.
- Kapeliushnikov R., A. Kuznetsov, N. Demina, O. Kuznetsova* (2013). Threats to security of property rights in a transition economy: An empirical perspective // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 41, No 1. P. 245-264.
- Kaufmann D., A. Kraay, M. Mastruzzi* (2010). The Worldwide Governance Indicators: Methodology and Analytical Issues // Washington, DC: Brookings Institution.
- Djankov S., R. La Porta, F. Lopez-de-Silanes, A. Shleifer* (2002). Regulation of Entry // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 117, No 1. P. 1-37.
- Libman A., V. Kozlov, A. Schultz* (2012). Roving Bandits in Action: Outside Option and Governmental Predation in Autocracies // *Kyklos*. Vol. 65, No 4. P. 526-562.
- Lizzeri A., N. Persico* (2004). Why Did Elites Extend the Suffrage? Democracy and the Scope of Government, with an Application to Britain's "Age of Reform" // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 119, No 2. P. 707-765.
- Lizzeri A., N. Persico.* (2005). A Drawback of Electoral Competition // *Journal of the European Economic Association*. Vol. 3, No 6. P. 1318-1348.
- McGuire M., M. Olson* (1996). The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force // *Journal of Economic Literature*. Vol. 34, No 1. P. 72-96.
- Mehlum H., K. Moene, R. Torvik* (2006). Institutions and the Resource Curse, *Economic Journal*. Vol. 116, No 508. P. 1-20.
- Myagkov M., P. Ordeshook, D. Shakin* (2009). The Forensic of Election Fraud. Russia and Ukraine // Cambridge MA: Cambridge University Press.
- Nye, J., O. Vasilyeva* (2012). Does Political Competition Matter for Public Goods Provision? Evidence from Russian Regions // George Mason University Department of Economics Working Paper. No 12-55.
- Olson M.* (1993). Dictatorship, Democracy, and Development // *American Political Science Review*. Vol. 87, No 3. P. 567-576.
- Persson T., G. Tabellini* (2009). Democratic Capital: The Nexus of Political and Economic Change // *American Economic Journal: Macroeconomics*. Vol. 1, No 2. P. 88-126.
- Polishchuk L.* (2001). Legal Initiatives in Russian Regions: Determinants and Effects // In: Murrell P. (ed.) *Assessing the Value of Law in Transition Economies*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Polishchuk L.* (2013) Institutional Performance // In: Alexeev M., Sh. Weber (eds.) *Handbook of the Russian Economy*. Oxford: Oxford University Press. P. 189-220.
- Polishchuk L., G. Syunyaev* (2011). Taming the (Not So) Stationary Bandit: Turnover of Ruling Elites and Protection of Property Rights // WP10/2011/04 Center for Institutional Studies Working Paper Series.

- Reuter O., G. Robertson (2012). Subnational Appointments in Authoritarian Regimes: Evidence from Russian Gubernatorial Appointments // *Journal of Politics*. Vol. 74, No 4. P. 1023-1037.
- Shurchkov O. (2012). New elites and their influence on entrepreneurial activity in Russia // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 40, No 2. P. 240-255.
- Shetin O., O. Zamulin, E. Zhuravskaya, E. Yakovlev (2005). Monitoring the Administrative Barriers to Small Business Development in Russia. 5th Round // CEFIR Policy Paper Series. No 22.
- Szakonyi D., E. Nazrullaeva (2012). Policy Unfamiliarity: Political Uncertainty and Private Investment in Hybrid Regimes // NRU HSE ICSID Working Paper.
- Turovskii R. (2010). How Russian Governors Are Appointed // *Russian Politics and Law*. Vol. 48, No. 1. P. 58-79.
- Weingast B. (1995). The Economic Role of Political Institutions: Market-Preserving Federalism and Economic Development // *Journal of Law, Economics & Organisation*. Vol. 11, No 1. P. 1-31.
- Yakovlev A. (2010) State-Business Relations in Russia in the 2000s: From the Capture to a Variety of Exchange Models // WP1/2010/04. Higher School of Economics.
- Yakovlev E., E. Zhuravskaya (2009). State Capture: From Yeltsin to Putin // In: Kornai J., L. Mátyás, G. Roland (eds.) *Corruption, Development and Institutional Design*. New York: Palgrave Macmillan.
- Zhuravskaya E. (2010). Federalism in Russia // In: Aslund A., S. Guriev and A. Kuchins (eds.) *Russia After the Global Economic Crisis*. Peterson Institute for International Economics. Washington DC. P. 59-77.

Investment Climate and Government Turnover in Russian Regions

Georgiy Syunyaev (gsyunyaev@hse.ru) Research Associate, Laboratory for Applied Analysis of Institutions and Social Capital, National Research University Higher School of Economics, Moscow

Leonid Polishchuk (lpolishchuk@hse.ru) Professor, Head of the Laboratory for Applied Analysis of Institutions and Social Capital, National Research University Higher School of Economics, Moscow

We study the impact of Russian regional governors' rotation and their affiliation with private sector firms for the quality of investment climate in Russian regions. A theoretical model presented in the paper predicts that these factors taken together improve "endogenous" property rights under authoritarian regimes. This conclusion is confirmed empirically by using Russian regional data for 2002-2010; early in that period gubernatorial elections had been canceled and replaced by federal government's appointments. This is an indication that under certain conditions government rotation is beneficial for economic development even when democracy is suppressed.

Key words: institutions, investment climate; endogenous property rights; "stationary bandit".

JEL Classification: K11, O17, P14.